

Доминенко Н.В.

УДК 821.111-312.7

ДИАЛЕКТИКА МИФОЛОГИЧЕСКОГО, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКОГО В ПИСЬМАХ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ

***Аннотация.** В статье рассматриваются примеры авторского мифотворчества в письмах английских поэтов-романтиков, мироощущение которых, предполагает определенное обращение к вымыслу. Сформированный на пересечении психологического, мифопоэтического и автобиографического начал, то есть на стыке реального и, в глазах романтиков, идеального планов, образ автора в романтическом эпистолярном письме продуцировал неоднозначность трактовок, смысловое многообразие подходов к судьбе литераторов, и на этом основании активизировал воображение читателя, научный поиск исследователя, нацеливая их на перепроверку того впечатления, которое они выносили из изучения разных источников, касающихся той или иной творческой индивидуальности.*

***Ключевые слова:** миф, мифологический, психологический, документально-биографический, диалектика.*

***Анотація.** У статті розглядаються приклади авторської міфотворчості в листах англійських поетів-романтиків, світовідчуження яких, передбачає певне звернення до вигадки. Сформований на пересіченні психологічного, міфопоетичного і автобіографічного почав, тобто на стику реального і, в очах романтиків, ідеального планів, образ автора в романтичному епістолярному письмі продукував неоднозначність трактувань, смислове різноманіття підходів до долі літераторів, і на цій підставі активізував уяву читача, науковий пошук дослідника, націлюючи їх на повторну перевірку того враження, яке вони виносили з вивчення різних джерел, що стосуються тієї або іншої творчої індивідуальності.*

***Ключові слова:** міф, міфологічний, психологічний, документально-біографічний, діалектика.*

***Summary.** The given article considers the examples of creating a myth in the letters of English romanticists, whose attitude to the events happening in the world presupposes the use of fiction. Formed on crossing of psychological, mythical, poetical and autobiographical beginning, that is on the joint of the real and, in the eyes of romanticists, ideal plans, the image of the author in romantic correspondence produced the ambiguousness of interpretations, semantic variety of the approaches to the fate of poets, and activated on that ground the imagination of a reader, scientific search of a researcher, aiming them at the recheck of the impression, which they took away from the study of different sources, touching one or another creative individuality.*

***Keywords:** myth, mythological, poetical, psychological, documentary, biographical, dialectics.*

Постановка проблемы. Романтический эпистолярный содержит несомненные примеры авторского мифотворчества, так как мироощущение романтиков предполагает определенное обращение к вымыслу, а также домыслу, выражающимся в некоторой корректировке и перестановке фактов, позволяющих сформировать такой поэтический образ, который отвечает самосознанию писателя. «Романтическое жизнетворчество, по мнению Л. Гинзбург, – это преднамеренное построение в жизни художественных образов и эстетически организованных сюжетов» [2, с. 27].

Как верно отметила А. Рогова, «ни один человек, даже прагматичный и беспристрастный, наблюдая за собой, не сможет адекватно оценить себя <...>, а представление поэтов-романтиков о самих себе – сотворенный ими образ: склонные к игре, они пытаются экспериментировать, играть с этим образом, как с героями своих произведений, мистифицируя и сбивая с толку предполагаемых читателей, прочитывая, таким образом, свою жизнь как текст, не имеющий единой трактовки» [10, с. 181-182].

Несмотря на то, что письма, будучи фактом биографической литературы, непосредственно отражают процесс жизни автора, они не до конца объективны. Мера авторской откровенности в них может варьироваться в силу многих обстоятельств. Значение здесь имеет то, как адресант желает представить себя в письме – рассказать о своей талантливости и нравственности или же предостеречь других на примере собственных ошибок. На моделирование авторского образа в переписке влияет и то обстоятельство, что одни поэты-романтики, опасаясь обнародования или искажения некоторых страниц своей судьбы, с особой тщательностью отбирали фактический материал (например, Саути и Вордсворт), желая завуалировать истинное положение вещей, касавшихся их отношения к кому-либо или чему-либо. Другие (Байрон) предвидели публикацию своего эпистолярного и иногда трансформировали биографическую реальность, проектировали свой образ, преувеличивая или, наоборот, преуменьшая какие-либо личностные качества, сгущая краски, приписывая себе черты и поступки, которых не существовало. Исходя из сказанного, материал, представленный в романтическом эпистолярном письме, дает нам уникальную возможность понаблюдать за личностью создателя в процессе его коммуникации с конкретным адресатом, а также позволяет сравнить, что и как говорится в письмах к разным собеседникам.

Научное и практическое значение данной статьи заключается в том, что сделанные автором выводы и обобщения могут быть использованы для дальнейшего исследования эпистолярного наследия английских романтиков.

Анализ последних исследований по проблематике работы. О психологизме как «пейзаже души» художника, пишет А. А. Елистратова в работе «Наследие английского романтизма и современность» [3], психологизм как отражение внутреннего мира человека, рассматривает в своей работе «Психологизм художественной литературы как отражение внутреннего мира человека» Н. Панова [8], мифу и условиям, необходимым для его появления, посвящена работа Н. А. Ищенко «Крымская война 1853-1856 годов: очерки истории и культуры» [5]. О мифологизации, характерной для биографии литераторов говорит В. А. Кошелев в своем исследовании «Константин Батюшков: странствия и страсти» [6], а мифологическому сознанию посвящена работа В. М. Пивоева «Мифологическое сознание как способ освоения мира» [9].

Целью данной статьи является выявление мифологического, психологического и документально-биографического начал в письмах английских поэтов-романтиков.

Достижение поставленной задачи сопряжено с разрешением следующих заданий: проанализировать переписку английских поэтов, раскрыть особенности формирования авторского образа в письмах поэтов-романтиков.

Анализ изучаемого материала свидетельствует, что все без исключения романтики представляли в переписке свой (правда, в разной мере) мифологизированный образ; «охотно принятый читателями, этот миф постепенно “узаконивался”, приводя иногда к курьезам. Например, в сознании современников образ Байрона “двоился”, они отыскивали у него противоречия даже там, где их в действительности не было» [4, с. 5]. Высказывания общества создавали вокруг живой, сложной и весьма противоречивой личности поэта ауру сверхчеловека, «превращая его в фигуру титаническую и демоническую», наделенную неслыханными пристрастиями и пороками [7, с. 282]. Проиллюстрируем сказанное примером из письма Байрона Т. Гвиччиоли от 9.09.1821г.: «Ты даже не можешь вообразить, какая ругань сейчас идет в Англии, каких только страстей не говорят там о нас с Шелли, и если ты не проявишь осмотнительность, английские подданные в Пизе и Флоренции станут говорить, что ты наскутила мне и я предпочел тебе его» [1, с. 199]. Перекликается с письмом Байрона и послание Шелли тому же адресату от 9.08.1821г., в котором он сообщает следующее: «Сообщи только, что нас обвиняли в кровосмешении, безбожии и многом другом – то абсурдном, то ужасном. Английские газеты незамедлительно распространили эти слухи, а народ полностью им поверил» [14].

Выстраивая свой образ в письмах, поэты-романтики отказывались покориться судьбе, предпочитая лепить ее по собственному произволению, не оглядываясь на обстоятельства и установившиеся общественные нормы и условия. Как справедливо отмечает В. Кошелев, именно биографии литераторов была свойственна мифологизация [6, с. 30]. Литературное амплуа, своеобразными «слагаемыми» которого были литературная «маска» и литературная «поза», как правило, выбиралось автором сознательно. Мифологизация биографии происходила под влиянием творчества поэта в целом, а также туманных, а иногда и легендируемых ими сведений из собственной жизни и, конечно, существенно обогащалась читательскими представлениями.

Сознательное отношение к проблемам моделирования личности в авторском литературном письме родилось во второй половине XVIII столетия, а в эпоху романтизма получило свое продолжение, что было обусловлено романтическим пониманием сущности человеческой природы.

Вордсворт, как законодатель литературной романтической моды, выстраивает в своей переписке мифологизированный образ Поэта-Учителя, очищенный от всего бытового. Ведь в 1834 г., после смерти Саути, ему был предложен пост королевского поэта-лауреата, предполагавший поэтическое освещение важных событий из жизни Британии и королевской семьи. В своем эпистолярном поэте старается соответствовать образу создателя романтического канона: он высказывает критические замечания в адрес литературных произведений других авторов, дает рекомендации по поводу их улучшения, обращает внимание адресата на тот или иной фрагмент поэтического сочинения, считая свое мнение непреложным. Вордсворт представляет читателю свой идеализированный образ наставника, стараясь показать, что его интересы и жизненные позиции сосредоточены исключительно на творчестве. А между тем, по воспоминаниям современников, среди которых был и поэт Т. де Квинси, Вордсворт являлся не только литератором - творцом, отрешенным от повседневных забот, но и центром, опорой для своей семьи и для своего круга друзей, добрым родственником и уважаемым соседом, которого отличало сердечное гостеприимство, твердые убеждения и высокая нравственность [13]. Одной из причин предпринятой “мистификации” может быть тот факт, что поэт опасался искажения своего образа при публикации переписки, боялся, что в ней может быть затемен его поэтический дар, как это случилось с перепиской других поэтов. Вследствие этого опасения, Вордсворт проявлял крайнюю осмотнительность при писании писем, сам «признавая при этом, что многие из них были похожи на эссе, затрагивающие важные для общества темы, а не на частные послания» [10, с. 191].

Байрон на протяжении многих лет предлагал вниманию публики подчеркнuto сконструированный образ, отличающийся от его эмпирической личности и далеко не во всем соответствующий внутреннему содержанию его поэтического «Я». Самый устоявшийся миф о Байроне, своего рода «фирменный знак» его «литературной личности», – чудовищное высокомерие и презрительная агрессивность по отношению к другим писателям, что далеко не во всем соответствует реальности. Нельзя отрицать, что Байрон в основном критически оценивал творчество литературных предшественников и писателей-современников, среди которых были Китс, Саути, Вордсворт и др. Например, в письме к Шелли от 26.04.1821 г. поэт резко высказывался о Китсе, чью поэзию считал «второсортной» [15], но в то же время в другом письме демонстрировал восхищение древнеанглийскими драматургами и писал о желании создать «правильную английскую драму» [15].

Для создания полноценного мифа о чем-либо или о ком-либо, с точки зрения Н. Ищенко, необходимы три основных условия: 1) потребность общества в этом мифе; 2) обладание автора всеми необходимыми для мифотворчества качествами; наконец, 3) наличие такого материала, который послужит источником целой бури эмоций и будет долго жить в памяти и воображении народа. При этом не обязательно обладать исчерпывающей информацией о том или ином событии (в данном случае из биографии поэта): два-три факта и «универсальные модели, подспудно присутствующие в коллективном сознании, реализованы» [5, с. 95].

В Англии в эпоху романтизма сложилась «мифотворческая ситуация», которой свойственны «потребность в иллюзиях, высокий уровень общественной доверчивости, недостаток общей культуры и

ДИАЛЕКТИКА МИФОЛОГИЧЕСКОГО, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
И ДОКУМЕНТАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКОГО В ПИСЬМАХ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ

достоверной информации, эмоциональное напряжение, коллективность переживания и взаимозаражение» [9, с. 98]. Это и создало благоприятную почву для авторского мифотворчества в переписке изучаемых поэтов. В связи со сказанным, необходимо обратить внимание на функционирование в эпистолярной романтики оппозиции «я – другой», что особенно заметно у представителей младшего поколения, наиболее склонного к противостоянию с окружающими. Приведем пример из письма Шелли У. Годвину от 10.01.1812 г., в котором поэт противопоставляет себя целому Оксфордскому университету: «Оксфордская среда была мне невыносима, чужда моим взглядам. Я не мог опуститься до тамошнего образа жизни; высокая поэзия, героические деяния, обращение человечества к истине, установление равенства между людьми – вот что наполняло мою душу. Вы можете себе представить, какой контраст я составлял с тамошним моим окружением» [11, с. 61].

Мифопоэтическую «составляющую» образа автора необходимо рассматривать в совокупности с психологическим началом, так как все поэты-романтики были склонны к саморефлексии. Психологизм как «индивидуализированное воспроизведение переживаний в их взаимосвязи, динамике, неповторимости» [12, с. 173], «художественное выражение пристального интереса к текучести сознания, к всевозможным сдвигам во внутренней жизни человека, глубинным пластам его личности» [12, с. 175] ощутим на многих страницах романтического эпистолярного жанра.

А. Елистратова остроумно называет психологизм «пейзажем души» художника, позволяющим раскрыть автопортрет пишущего. [3, с. 335]. Чаще всего в «пейзаже души» английских поэтов-романтиков, отражаются их душевные катаклизмы: «извержения вулканов», «гроза», «порывы бури», «водопады», «шторм». Но порой здесь устанавливается и «тишина», как, например, в одном из писем Китса к Ч. Брауну от 30.09.1820 г., в котором автор констатирует: «На море полный штиль – и у меня на душе тоже» [16].

Психологизм непосредственно связан с «активизацией самосознания человека Нового времени, которое реализуется в виде рефлексии, составляющей “акт возвращения к себе” и имеющей свои границы и определенные рамки» [12, с. 177-178].

Повышенный интерес к внутреннему миру человека со всеми сложными переплетениями его умонастроений и импульсов сформировался несколько столетий назад, но активизировался лишь во второй половине XVIII столетия, с наступлением индивидуально-авторской эпохи, когда на первом плане оказываются душевные коллизии людей, способных тонко и глубоко чувствовать мир и себя в этом мире. Для авторского литературного письма периода романтизма характерна полная углубленность и сосредоточенность на собственном «Я», которое находится в центре тревожного самонаблюдения; безграничность прав авторского «Я» «то утверждается как исходная предпосылка жизни – по крайней мере, жизни духа, – то берется под сомнение или опровергается» [3, с. 338].

В последующем, XIX веке, появились условия, благоприятствующие развитию психологизма. «Повышается ценность личности и при этом возрастает мера ее идейной и нравственной ответственности, усложняется сам исторически складывающийся тип личности. Развивается и становится более сложным мышление человека о мире: появляется большое количество нравственных, политических, философских теорий и систем, часто сложных и внутренне противоречивых. Увеличивается и обогащается духовная культура человека» [8, с. 313].

Все это обнаруживает и переписка обоих поколений английских романтиков, которые в своих посланиях делятся утонченными душевными переживаниями, разнообразными впечатлениями от окружающей действительности. Самоанализ у них перерастает в исповедь, которая, в свою очередь, переходит то в самооправдание, то – в обвинительный акт себе или же обществу, свету, провидению, судьбе, Богу. «Лирическая тема “Я” перерастает в другую, более широкую – “Я” и “мир”, создавая, таким образом, предпосылки для предвосхищения в эпистолярном творчестве поэтов-романтиков многих жанровых тенденций психологического романа» [3, с. 338]. Последний факт говорит в пользу мнений тех литературоведов, которые не случайно рассматривают писательский эпистолярный жанр в рамках художественно-документальной литературы.

При всей мифопоэтической окрашенности, литературное письмо эпохи романтизма отличается доминантой автобиографического начала, пусть и намеренно трансформированного. Жанровые особенности автобиографической прозы «определяют существование более или менее точной фактографии и ее субъективной интерпретации автором» [10, с. 180]. Таким образом, как для читателей, так и для ученых, автобиографизм представляет историографическую ценность, в основе которой лежит документальная обоснованность описываемых событий, свидетелем которых был сам автор, что сказывается на передаче подробностей, деталей происходящего, духа самого времени и перипетий отдельной судьбы, вовлеченной в исторический поток.

Как известно, автобиография «является важным источником сведений о жизни автора, изложенных им самим» [10, с. 180]. Так как автобиографии создаются людьми сознательно, то факты для изложения и отбираются ими сознательно, и komponуются по усмотрению пишущего. Для поэтов-романтиков характерным было созерцание самих себя не только изнутри, но и как бы со стороны, авторефлексия в их глазах считалась вполне естественной, но при этом наблюдательность адресантов писем оказывала непосредственное влияние на автобиографизм их переписки, «делая возможным описание деталей, важных для воссоздания образа автора и его времени, анализа его действий и чувств, в ином случае едва ли возможных» [10, с. 180]. Именно это качество придавало особую ценность эпистолярной романтики, дополняя новыми оттенками его субъективную «правду» (термин М. Бахтина).

Вывод. Сформированный на пересечении психологического, мифопоэтического и автобиографического начал, то есть на стыке реального и, в глазах романтиков, идеального планов, образ автора в романтическом эпистолярном произведении продуцировал неоднозначность трактовки, смысловое многообразие подходов к судьбе литераторов, и на этом основании активизировал воображение читателя, научный поиск исследователя, нацеливая их на перепроверку того впечатления, которое они выносили из изучения разных источников, касающихся той или иной творческой индивидуальности.

Однако из неоднозначных оценок современников, а также собственных высказываний романтиков в их переписке возникает, хотя и «мозаичный», «пестрый», но тем не менее целостный образ, имеющий явную смысловую доминанту. Так, для Саути – Поэта-лауреата – характерно самоощущение величественного, воспарившего над реальностью художника-творца, отданного разрешению важных философских проблем. Вордсворт аттестует себя Поэтом-Учителем, наделенным такими качествами, как уверенность в собственном поэтическом таланте, сдержанность, высокая мораль, проявляющаяся по отношению к людям. Кольридж, набоорот, деликатен, скромен, склонен к заниженной оценке и своего дарования, и своей человеческой сущности. Китс формирует в письмах образ талантливого, но при этом излишне сентиментального, ранимого, но одновременно и язвительного Поэта. Основными характеристиками Байрона являются твердая гражданская позиция, бескомпромиссность, но и излишняя жесткость в ее отстаивании; скептицизм, ирония, но и вера в извечный смысл Бытия. Шелли предстает Поэтом-пророком, революционером и атеистом до мозга костей, неисправимым оптимистом, исповедующим перспективу пересоздания сущего на началах добра и справедливости, но и умеющим бороться за исповедуемые идеалы при помощи своей поэзии.

Перспективу данного исследования составит дальнейшее изучение авторского литературного письма, в котором при наличии определенной «мифологической» окраски, доминирует явное автобиографическое начало, что позволит дополнить представление о каждом авторе как о самобытной творческой индивидуальности и их общих позициях: политических, нравственных, эстетических; воссоздать картину их реальных творческих завоеваний и значимость всех пластов наследия.

Источники и литература:

1. Байрон Дж. Г. На перепутьях бытия... : художественная публицистика : [письма, воспоминания, отклики] : пер с англ. / Дж. Г. Байрон ; [сост., авт. предисл. и коммент. А. М. Зверев]. – М. : Прогресс, 1989. – 432 с.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Худож. лит., 1977. – 443 с.
3. Елистратова А. А. Наследие английского романтизма и современность / А. А. Елистратова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 505 с.
4. Зверев А. М. Беде и злу противоборство... / А. М. Зверев // Байрон Дж. Г. На перепутьях бытия : пер. с англ. / [сост., авт. предисл. и коммент. А. М. Зверев]. – М. : Прогресс, 1989. – 432 с.
5. Ищенко Н. А. Крымская война 1853–1856 годов : очерки истории и культуры / Н. А. Ищенко. – Симферополь : Крымский архив, 2002. – 128 с.
6. Кошелев В. А. Константин Батюшков : странствия и страсти / В. А. Кошелев. – М. : Современник, 1987. – 351 с., ил. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).
7. Наливайко Д. С. Зарубіжна література ХІХ сторіччя : доба романтизму : підручник / Д. С. Наливайко, К. О. Шахова. – Тернопіль : Навч. кн. – Богдан, 2001. – 416 с.
8. Панова Н. Психологизм художественной литературы как отражение внутреннего мира человека (теоретический аспект) / Н. Панова // Актуальні проблеми слов'янської філології. Сер. Лінгвістика і літературознавство : міжвуз. зб. наук. ст. – Бердянськ : БДПУ, 2011. – Вип. 24, ч. 2. – С. 312–319.
9. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 111 с.
10. Рогова А. Г. Эпистолярное наследие Роберта Саути : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А. Г. Рогова. – М. : РГБ, 2004. – 327 с.
11. Шелли П. Б. Письма ; Статьи ; Фрагменты / П. Б. Шелли ; [пер. с англ. З. Е. Александровой]. – М. : Наука, 1972. – 534 с. : ил. ; 5 л. ил.
12. Хализев В. Теория литературы / В. Хализев. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.
13. De Quincey T. Literary Reminiscences : in 2 vols / T. De Quincey. – Boston : Ticknor & Fields, 1851.
14. Letters from Italy. Volume II of the 1840 edition of Essays, letters from abroad, translations and fragments / by P. B. Shelley ; ed. by Mary Shelley [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www / URL : http://terpconnect.umd.edu/~djb/shelley/lettersfromitaly.htm](http://www/URL : http://terpconnect.umd.edu/~djb/shelley/lettersfromitaly.htm) – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана.
15. Lord Byron's letters and journals / scanned, selected and ed. by J. D. Hoeniger [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www/ URL : http://jhoeniger@toltec.astate.edu](http://www/URL : http://jhoeniger@toltec.astate.edu) / – 15.02.1999 г. – Загл. с экрана.
16. Keats J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www/ URL : http://englishhistory.net/keats/letters.htm](http://www/URL : http://englishhistory.net/keats/letters.htm) / – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана.